

Генеральная Ассамблея

Семьдесят третья сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
19 November 2018
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 25-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в пятницу, 26 октября 2018 года, в 10 ч 00 мин

Председатель: г-жа Понсе (заместитель Председателя) ..... (Филиппины)

затем: г-н Бьян ..... (Габон)

Содержание

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (*продолжение*)

Заявление Председателя Международного Суда

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны направляться в кратчайшие возможные сроки за подписью одного из членов соответствующей делегации на имя начальника Секции управления документооборотом (dms@un.org) и вноситься в один из экземпляров отчета.

Отчеты с внесенными в них поправками будут переизданы в электронной форме и размещены в Системе официальной документации Организации Объединенных Наций (<http://documents.un.org/>).

18-17950X (R)

Просьба отправить на вторичную переработку

В отсутствие г-на Бьяна (Габон) г-жа Понсе (Филиппины), заместитель Председателя, занимает место Председателя.

Заседание открывается в 10 ч 10 мин.

Пункт 82 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (продолжение) (A/73/10)

1. **Председатель** предлагает Комитету продолжить рассмотрение глав VI, VII и VIII доклада Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (A/73/10).

2. **Г-н Тихи** (Австрия), касаясь темы «Охрана атмосферы» и проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, говорит, что в пункте 1 проекта руководящего положения 12 излагается очевидное, а именно то, что споры между государствами, касающиеся охраны атмосферы от атмосферного загрязнения и атмосферной деградации, подлежат разрешению мирными средствами. Ссылка в пункте 2 проекта руководящего положения на то, что споры могут потребовать изучения большого объема фактологических данных, вводит в заблуждение, поскольку все крупные споры, скорее всего, включают огромное количество фактов, которые необходимо будет рассмотреть судьям, а не техническим и научным экспертам. Техническая и научная экспертиза требуется не по причине большого количества фактов в споре, а в силу их особого и сложного характера.

3. Проект руководящих положений по теме «Временное применение договоров», принятый в первом чтении, мог бы стать ценным инструментом для государств и международных организаций в их практике заключения международных договоров. Однако их нынешние формулировки весьма напоминают формулировки текста, принятого в предварительном порядке на шестьдесят девятой сессии Комиссии; предложения членов Шестого комитета, если и были приняты, то с большой осторожностью.

4. В проекте руководящего положения 9 (Прекращение и приостановление временного применения) переформулированы положения статьи 25 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров и статьи 25 Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями; согласно этим положениям временное применение может быть прекращено вследствие вступления договора в силу или уведомления государством или международной

организацией о своем намерении не становиться участником договора. Хотя такой подход заслуживает высокой оценки, полезным было бы также включение в проект руководящего положения нормы о дополнительных формах прекращения и/или приостановления. Комиссия, как представляется, рассматривала возможность определения таких случаев, включая одностороннее прекращение временного применения. Такие ситуации вполне могут возникнуть: например, государствам и международным организациям может потребоваться прекратить или приостановить временное применение договоров в результате внутренних демократических процедур принятия решений или по другим правовым или политическим мотивам, оставляя при этом открытой возможность присоединения к договору в будущем. Было бы полезно включить в проект руководящих положений некоторые дополнительные нормы, касающиеся данного вопроса.

5. Делегация страны оратора с сожалением отмечает, что для обсуждения и разработки подробного проекта типовых положений, предложенных Специальным докладчиком, было недостаточно времени. Делегация выражает надежду на то, что Комиссия подробно обсудит их в будущем.

6. Переходя к теме «Императивные нормы общего международного права (jus cogens)» и к проектам выводов, предложенным Специальным докладчиком в его третьем докладе (A/CN.4/714 и A/CN.4/714/Corr.1), оратор отмечает, что в проекте вывода 11 (Делимость договорных положений, противоречащих императивной норме общего международного права (jus cogens)) предусматривается, что договор, который в момент его заключения противоречит норме jus cogens, является недействительным в целом. Это положение основано на пункте 5 статьи 44 Венской конвенции 1969 года. Хотя такое соблюдение режима неделимости для договоров, которые противоречат нормам jus cogens, имеет сдерживающий эффект, делегация страны оратора интересуется, является ли этот подход оптимальным. Возможно, более целесообразным было бы применять гибкий подход, признавая недействительными только те положения, которые нарушают нормы jus cogens, а не весь договор в целом. Такое решение соответствовало бы принципу favor contractus.

7. Конкретные ссылки на резолюции Совета Безопасности, содержащиеся в проекте вывода 17 (Последствия императивных норм общего международного права (jus cogens) для обязательных резолюций международных организаций), вызвали дискуссию и критику внутри Комиссии. Делегация страны оратора считает, что выражение «обязательные

резолюции международных организаций» подразумевает международные организации в целом, и, таким образом, является достаточно широким и распространяется на все международные организации и их органы, включая Совет Безопасности, без конкретного упоминания любой или любого из них. Будучи твердым сторонником верховенства права, в том числе в контексте Организации Объединенных Наций, делегация Австрии согласна с основной идеей проекта вывода, поскольку резолюции Совета Безопасности в некоторых случаях могут привести к коллизии с нормами *jus cogens*. В этой связи оратор хотел бы обратить внимание на вывод в заключительном докладе Австрийской инициативы «Совет Безопасности Организации Объединенных Наций и верховенство права», 2004–2008 годы, содержащемся в документе [A/63/69-S/2008/270](https://undocs.org/A/63/69-S/2008/270), о том, что Совет Безопасности не функционирует в условиях отсутствия каких-либо юридических ограничений и что его полномочия реализуются с соблюдением Устава Организации Объединенных Наций и норм *jus cogens*. <https://undocs.org/A/63/69>

8. В пункте 1 проекта вывода 22 предусмотрено, что государства обязаны осуществлять юрисдикцию в отношении правонарушений, запрещенных императивными нормами международного права (*jus cogens*), когда эти правонарушения совершаются лицами, имеющими гражданство данного государства, или на территории под его юрисдикцией. В то же время пункт 2 может вводить в заблуждение: в нем указано, что пункт 1 не исключает установления юрисдикции на любом другом основании, допускаемом национальным законодательством государства. Таким образом, как представляется, он допускает осуществление универсальной юрисдикции в целях привлечения к уголовной ответственности за преступления, запрещенные нормами *jus cogens*, исключительно на основе национального законодательства. Однако любое осуществление универсальной юрисдикции должно иметь место в рамках международного права. Чрезвычайно важно, чтобы этот момент был отражен в проектах выводов. Делегация страны оратора надеется, что Комиссия рассмотрит этот вопрос более тщательно при рассмотрении темы «Универсальная уголовная юрисдикция».

9. В пункте 2 проекта вывода 23 предусмотрено, что иммунитет *ratione materiae* не применяется к любому правонарушению, запрещенному нормой *jus cogens*. Делегация Австрии считает любое такое положение проблематичным, особенно в связи с тем, что в настоящее время этот вопрос рассматривается Комиссией в рамках темы «Иммунитет

должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции». Во избежание непоследовательности и дублирования обсуждение данного вопроса должно быть ограничено последней темой, поскольку она находится на рассмотрении. В заключение оратор выражает надежду на то, что Специальный докладчик предпримет попытку разработать иллюстративный перечень норм *jus cogens*.

10. Г-н Сюй Хун (Китай) говорит, что один из наблюдателей на предыдущем заседании Комитета несколько раз упомянул так называемое решение, вынесенное по делу *О Южно-Китайском море*. Китай решительно возражает против таких упоминаний. Так называемое решение было вынесено *ultra vires* и основывается на очевидных фактических и правовых ошибках. Оно не имеет никакого правового статуса и представляет собой безответственное нарушение принципа верховенства права на международном уровне. Это очевидно, что крайне неуместно было цитировать столь несправедливое, незаконное и недействительное арбитражное решение в Комитете.

11. Тема «Охрана атмосферы» включает весьма сложные и деликатные политические, правовые и научные вопросы. При рассмотрении данной темы Комиссия должна руководствоваться пониманием, достигнутым в 2013 году, основываться на общей международной практике и действующем праве и в полной мере уважать усилия международного сообщества в рамках существующих механизмов и итоги соответствующих политических и юридических переговоров.

12. Проект руководящих положений по этой теме, принятый в первом чтении, справедливо подтверждает такие основополагающие принципы, как международное сотрудничество и мирное разрешение споров. Вместе с тем, некоторые из их конкретных норм являются спорными. Что касается проекта руководящего положения 3 (Обязательство по охране атмосферы), четкие правовые обязательства государств по охране атмосферы еще не стали реальностью, и соответствующая практика и нормы по-прежнему разрабатываются. Цель проекта руководящего положения 4 (Оценка воздействия на окружающую среду) заключается в том, чтобы эта норма, цитируемая в некоторых договорах и делах, касающихся оценки воздействия на окружающую среду, которая должна проводиться в отношении видов деятельности, способных оказать значительное трансграничное воздействие, применялась непосредственно к охране атмосферы. Однако эта норма имеет конкретный контекст и сферу применения; она не стала общепризнанным принципом

международного права в области охраны атмосферы. Пункт 3 проекта руководящего положения 9 привносит концепцию стран, находящихся в особой ситуации, как она определена в контексте изменения климата, в дискуссии, касающиеся охраны атмосферы. Делегация страны оратора не видит достаточных оснований для этого.

13. Касаясь темы «Временное применение договоров», оратор говорит, что сфера действия юридических обязательств, возложенных на стороны временным применением договора, должна определяться с осторожностью и должным уважением подлинных намерений сторон. Согласованные условия и процедуры временного применения следует толковать строго, для того чтобы избежать чрезмерного расширения сферы действия обязательств, возлагаемых на стороны. Этот вопрос следует разъяснить в комментариях к проектам руководящих положений по данной теме, принятым в первом чтении. Сомнительно, что проект руководящего положения 7 (Оговорки) и проект руководящего положения 9 (Прекращение и приостановление временного применения) имеют практическое значение; как представляется, ни одно государство никогда не будет нуждаться в этих нормах.

14. Комиссия должна проявлять крайнюю осторожность при рассмотрении темы «Императивные нормы общего международного права (jus cogens)». Норма jus cogens является исключительно важной и отличается от норм общего международного права. Определение элементов, критериев и последствий норм jus cogens должно основываться на соответствующих положениях Венской конвенции о праве международных договоров и быть подкреплено надлежащей практикой государств. Внимание следует сосредоточить на кодификации существующего права (lex lata), а не на разработке новых законов (lex ferenda).

15. Касаясь проектов выводов по этой теме, предложенных Специальным докладчиком, оратор говорит, что делегация его страны не согласна с проектом вывода 17, в котором говорится, что обязательные резолюции Совета Безопасности не устанавливают связывающих обязательств, если они противоречат нормам jus cogens. Совет Безопасности находится в центре системы коллективной безопасности, созданной после Второй мировой войны. Его резолюции принимаются в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций и с учетом строгих процедурных требований и должны соответствовать целям и принципам Устава. Содержание и сфера применения норм jus cogens по-прежнему далеко не ясны. Ссылка на этот принцип, для того чтобы

оспорить резолюции Совета Безопасности или избежать их выполнения, приведет к подрыву системы коллективной безопасности. Делегация страны оратора, таким образом, предлагает не включать этот вопрос в проекты выводов.

16. В пункте 2 проекта вывода 23 предусмотрено, что иммунитет *ratione materiae* не применяется к любому правонарушению, запрещенному императивной нормой общего международного права (jus cogens). В отсутствие ясности относительно содержания и сферы применения норм jus cogens или понятия правонарушения, запрещенного нормами jus cogens, это положение для Комиссии оказалось весьма спорным. Это привело к тому, что Специальный докладчик предложил проекты выводов 22 и 23 заменить одной клаузулой в следующей формулировке: «настоящие проекты выводов не наносят ущерба последствиям конкретных/индивидуальных/партикулярных императивных норм общего международного права (jus cogens)». Делегация страны оратора поддерживает исключение проекта вывода 23 и рассчитывает на дальнейшие разъяснения в отношении конкретного значения новой клаузулы. В своих решениях Международный Суд неоднократно подчеркивал, что иммунитеты являются процессуальным вопросом. В деле *О вооруженной деятельности на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)* Суд указал, что нормы jus cogens и юрисдикция являются двумя отдельными вопросами. Таким образом, jus cogens как материально-правовая норма не должна наносить ущерба норме об иммунитете должностных лиц.

17. Делегация страны оратора обеспокоена текущей процедурой, которой следует Комиссия и в соответствии с которой проекты выводов не выносятся на рассмотрение на пленарном заседании после их принятия редакционным комитетом и даже не включаются в доклад Комиссии о ее работе до завершения рассмотрения всего набора проектов выводов и комментариев к ним в первом чтении и до их представления Генеральной Ассамблее. Этот порядок действий отличается от процедуры, которой Комиссия следует по большинству других тем, и затрудняет полноценное выражение государствами-членами своих мнений по столь важной теме. Делегация страны оратора надеется, что Комиссия сможет найти надлежащее решение этой проблемы.

18. Что касается темы «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами», то делегация страны оратора давно считает, что международные и немеждународные вооруженные конфликты носят различный характер и что правила,

касающиеся первого типа конфликтов, не могут автоматически применяться к конфликтам второго типа, за исключением случаев, когда это оправданно с учетом практики государств. Однако стремление сделать это по-прежнему сохраняется в проектах принципов и комментариях к ним, принятых Комиссией в предварительном порядке. Оратор надеется, что Комиссия рассмотрит этот вопрос более подробно.

19. Касаясь темы «Правопреемство государств в отношении ответственности государств», оратор говорит, что второй доклад Специального докладчика и обсуждения внутри Комиссии подтвердили недостаточность соответствующей практики государств, и то, что небольшая практика существует в конкретных, сложных и разнообразных политических и исторических контекстах. В связи с этим кодифицировать общее правило в этой области было бы сложно. Комиссия, возможно, пожелает рассмотреть вопрос о том, следует ли ей продолжать работу по этой теме или же ограничиться разработкой ряда важных проектов руководящих положений.

20. Когда тема «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» обсуждалась на предыдущей сессии Комитета, многие делегаты возражали против положения о неприменимости иммунитета *ratione materiae*, содержащегося в проекте статьи 7, в предварительном порядке принятом Комиссией на ее шестьдесят девятой сессии. Делегация страны оратора призывает Комиссию серьезно отнестись к этим мнениям и соответствующим образом пересмотреть проект статьи 7 и комментарий к нему.

21. На своей семидесятой сессии Комиссия провела предварительные обсуждения шестого доклада Специального докладчика (A/CN.4/722). По вопросу о том, когда государству суда следует начинать рассматривать вопрос об иммунитете иностранных должностных лиц, Специальный докладчик, как представляется, считает, что, если государство суда просто начало расследование без принятия обязательных мер в отношении иностранного должностного лица, наложения обязательств на данное лицо или создания препятствий для надлежащего исполнения им своих функций, никаких последствий для иммунитета не будет иметь места, и вопрос об иммунитете, таким образом, на данном этапе не возникнет. Однако иммунитет должностных лиц государства не является всего лишь требованием, направленным на обеспечение выполнения ими своих функций: он также вытекает из основного принципа *par in parem non habet imperium* («равный не имеет власти над равным»). Таким образом, даже

в том случае, если юридические действия в отношении иностранного должностного лица не имеют обязательной силы, не налагают обязательств и не влияют на выполнение им своих функций, они, тем не менее, могут нарушать иммунитет должностного лица и, следовательно, являться посягательством на суверенитет соответствующего государства. Вопрос об иммунитете, таким образом, должен быть рассмотрен на данном этапе.

22. Что касается вопроса о том, какой орган государства суда имеет право принимать решение о том, следует ли предоставить иммунитет или отказать в его предоставлении, то делегация страны оратора считает, что после начала судебного процесса суды действительно играют важную роль в принятии окончательного решения. Вместе с тем, учитывая разнообразие политических и правовых систем и, в частности, тот факт, что иммунитет имеет последствия для межгосударственных отношений и иностранных дел, позиция исполнительной власти государства зачастую является существенной и даже решающей. Что еще более важно, уважение государствами иммунитета часто отражает их подход к их международным правам и обязательствам в целом. Вопрос о том, какой орган государства компетентен выносить окончательное решение, является внутренним вопросом, который лежит вне сферы международного права. В связи с этим делегация страны оратора не поддерживает предложение о разработке набора единых критериев для решения этой проблемы.

23. Насколько оратор понимает, вопрос о процессуальных гарантиях в отношении иммунитета должностных лиц будет рассмотрен в следующем докладе Специального докладчика. Делегация страны оратора считает, что термин «процессуальные гарантии» должен означать те гарантии, которые непосредственно связаны с иммунитетом и направлены на защиту должностных лиц от неправомерного судебного преследования. Процессуальные гарантии, связанные с уголовными делами, не имеют прямого отношения к данной теме. Кроме того, никакие процессуальные гарантии не могут компенсировать дефект положения об исключениях из иммунитета *ratione materiae*, содержащегося в проекте статьи 7. Единственный способ устранить этот дефект заключается в том, чтобы пересмотреть проект статьи 7 и сформулировать надлежащий вывод, подкрепленный общей практикой государств и *opinio juris*.

24. Г-н Тиритикко (Италия) говорит, что риск, связанный с трансграничным воздействием на большие расстояния веществ, вызывающих загрязнение и деградацию, обусловил важность работы

Комиссии по теме «Охрана атмосферы». Делегация его страны выражает признательность Специальному докладчику и Комиссии за достигнутый прогресс. Делегация страны оратора благодарит Специального докладчика за внимание, уделяемое тому, чтобы избегать вмешательства в продолжающиеся политические переговоры по защите окружающей среды. Тот факт, что Комиссия пытается решить такую фундаментальную проблему, является положительным сам по себе.

25. Касаясь проектов руководящих положений по данной теме, принятых в первом чтении, оратор говорит, что проект руководящего положения 10 (Имплементация) является важным завершением проекта руководящего положения 3, в котором устанавливается, что государства несут обязательство по охране атмосферы посредством предотвращения, сокращения или ограничения атмосферного загрязнения и атмосферной деградации, но ничего не говорится о способах исполнения этого обязательства. Делегация страны оратора положительно оценивает дискреционный подход к имплементации: государства свободны выбирать, какие меры по охране следует принимать в рамках своих внутренних правовых систем. Подход Специального докладчика к разрешению споров также является положительным. В соответствии с требованиями справедливого распределения благ совместные механизмы соблюдения являются более предпочтительными, нежели механизмы, основанные на наказании или принуждении к соблюдению. Научные знания играют важную роль в охране атмосферы, и действительно, при рассмотрении экологических споров может потребоваться проведение научного анализа и изучение большого объема фактологических данных. Таким образом, любые инициативы по развитию диалога с научными экспертами следует приветствовать.

26. Делегация страны оратора согласна с позицией, изложенной в проекте руководящего положения 11 (Соблюдение), и, в частности, с формулировкой пункта 2, которая аналогична формулировкам других положений, касающихся механизмов для осуществления обзора соблюдения и имплементации. В пункте 2 Комиссия, хотя и косвенно, рассматривает различия между государствами, призывая применять стимулирующие процедуры для оказания помощи государствам, которые желают, но не могут соблюсти свои международные обязательства. Делегация страны оратора также отмечает ссылку на общую, но дифференцированную ответственность, которая признаётся в ряде международных документов по охране окружающей среды. Она также подчеркивает, что правоприменительные процедуры, о которых

говорится в пункте 2 b), следует отличать от любого призывания государств к международной ответственности. В связи с этим делегация страны оратора приветствует пункт 5) комментария к проекту руководящего положения.

27. В пункт 1 проекта руководящего положения 12 было бы целесообразно включить положение о том, что не должно быть никакого вмешательства в существующие нормы договорных режимов о разрешении споров. Делегация страны оратора согласна с содержанием пункта 2: роль технических и научных знаний должна надлежащим образом учитываться при разрешении споров, касающихся атмосферы. С учетом того, что при рассмотрении большинства международных споров в отношении атмосферного загрязнения может потребоваться изучение большого объема фактологических данных и проведение научного анализа, технические и научные знания должны играть важную роль.

28. Рассматривая тему «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)», Специальный докладчик и Комиссия блестяще стремились соблюсти баланс между теоретическими сложностями и практическими вопросами. Некоторые из проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком, как представляется, не были сочтены вполне убедительными, но были в предварительном порядке приняты редакционным комитетом в очевидной попытке достичь прогресса в рассмотрении этой темы. Прделанная к настоящему времени работа и подход, принятый Специальным докладчиком, возможно, позволят Комиссии в будущем добиться результатов, которые послужат отправной точкой. Тем не менее, учитывая теоретические аспекты этой темы, разработать полезные проекты выводов на данном этапе было бы сложно. Комиссия, возможно, пожелает рассмотреть вопрос о проведении более широкого исследования по этой теме, которое, следует признать, будет иметь менее практический характер. В качестве альтернативы она могла бы выбрать более узкий подход и в рамках поэтапного процесса разработки проекта, подлежащего должному обсуждению с государствами-членами, рассмотреть конкретные аспекты возможного применения понятия *jus cogens* к праву международных договоров. В любом случае работа, проделанная на сегодняшний день и в относительно короткие сроки, является поразительной и заслуживает высокой оценки.

29. В своем шестом докладе Специальный докладчик по теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» применил сбалансированный подход к вопросам,

рассмотренным к настоящему времени, то есть к вопросам о моменте, когда должен рассматриваться вопрос об иммунитете, о действиях властей государства суда, которые могут быть затронуты иммунитетом, и об определении органа, который компетентен принимать решение о применимости иммунитета. В отношении вопросов, которые будут рассмотрены в седьмом докладе, делегация страны оратора была бы особенно заинтересована в анализе сотрудничества между государствами и международными уголовными судами и возможного влияния этого сотрудничества на иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции.

30. Делегация страны оратора поддерживает текст проекта статьи 7, принятого в предварительном порядке Комиссией на ее шестьдесят девятой сессии, в котором говорится, что иммунитет *ratione materiae* не применим в отношении лишь некоторых конкретных преступлений по международному праву. Так называемое «территориальное исключение», которое было первоначально предложено Специальным докладчиком, не устояло в достаточной мере в практике государств.

31. **Г-жа Хиуреас** (Кипр), обращаясь к теме «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)» в контексте права международных договоров, говорит, что международные договоры следует толковать способом, совместимым с императивными нормами. Действительно, многие государства, в том числе Кипр, ссылались на нормы *jus cogens* еще до принятия проектов статей Комиссии о праве международных договоров и Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров. В свете статей 53 и 64 Конвенции, в которых рассматривается вопрос об аннулирующей силе нормы *jus cogens*, для целей текущей работы по данной теме было бы полезно дополнительно изучить вопрос о том, кто определяет, противоречит ли тот или иной договор указанной норме, и о возможных правовых последствиях такого противоречия. В общем и целом делегация страны оратора полностью согласна с тем, что Комиссии следует избегать принятия любых решений, которые могут повлечь какое-либо отклонение от Конвенции или быть истолкованы как такое.

32. Вместе с тем следует признать также, что сфера охвата данной темы выходит за рамки права международных договоров и включает такие области международного права, как ответственность государств за международно-противоправные деяния. Как было четко заявлено в статьях 40 и 41 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, нарушение императивной нормы,

такой как запрещение угрозы силой или ее применения, считается серьезным и влечет за собой ответственность государства. Таким образом, государства обязаны сотрудничать с целью положить немедленный конец любому серьезному нарушению. Они также обязаны не признавать результаты, вытекающие из таких противоправных деяний, и воздерживаться от оказания помощи или содействия государству, участвующему в нарушениях. Кроме того, в соответствии со статьями 30 и 31 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано прекратить это деяние, предоставить надлежащие заверения неповторения и предоставить полное возмещение вреда, причиненного его поведением.

33. Делегация страны оратора поддерживает предложение о том, что Комиссии следует разработать иллюстративный перечень норм, которые уже приобрели статус *jus cogens*. Данное предложение является осуществимым, поскольку количество норм *jus cogens*, которые необходимо рассмотреть, является относительно небольшим. Такой перечень будет полезным с учетом того, что согласно статье 53 Венской конвенции императивные нормы существуют только в том случае, если они принимаются и признаются международным сообществом государств.

34. **Г-н Эльшенави** (Египет), касаясь темы «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)» и проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком в его третьем докладе ([A/CN.4/714](#) и [A/CN.4/714/Corr.1](#)), говорит, что фразу «насколько это возможно» следует исключить из пункта 3 проекта вывода 10 (Недействительность договора, противоречащего императивной норме общего международного права (*jus cogens*)). Это изменение позволило бы избежать создания предпосылок для исключений в случае, если договор должен толковаться способом, несовместимым или идущим вразрез с нормой *jus cogens*. В этой связи важно соблюдать правила толкования, изложенные в Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров и в нормах обычного международного права.

35. По мнению делегации страны оратора, пункт 1 проекта вывода 11 должен означать только одно: договор является недействительным, если в момент его заключения он противоречит императивной норме общего международного права (*jus cogens*), и никакая часть этого договора не может отделяться или обособливаться. Пункты 1 и 2 должны быть переформулированы, с тем чтобы уточнить, что исключений из этого правила быть не должно. Договоры разрабатываются на сбалансированной основе, и их

положения, как правило, взаимосвязаны. В тех случаях, когда появляется новая норма *jus cogens*, противоречащая какому-либо положению договора, предпочтительным было бы пересмотреть этот договор в целом. В пунктах 2 b) и c) предусмотрены два условия, позволяющие применить исключение, заключающиеся в том, что положения, противоречащие императивной норме *jus cogens*, не должны составлять существенно важную основу согласия на заключение договора, и в том, что дальнейшее выполнение остальной части договора не должно быть несправедливым. Однако не ясно, когда эти условия будут применяться и кто будет иметь право делать эту оценку. В любом случае эти положения создадут предпосылки для исключений из норм *jus cogens*, что будет неприемлемым для делегации страны оратора.

36. Фразу «насколько возможно» следует исключить из пункта 2 проекта вывода 17 (Последствия императивных норм общего международного права (*jus cogens*) для обязательных резолюций международных организаций), поскольку она создает возможность для того, чтобы резолюции международных организаций, в особенности резолюции Совета Безопасности, могли толковаться таким образом, который не соответствует нормам *jus cogens* или противоречит им. В пункте 2 следует указать, что резолюции, которые противоречат норме *jus cogens*, не просто не имеют обязательной силы; они являются ничтожными, и никакое их юридическое воздействие не может быть признано.

37. В пункте 2 проекта вывода 20 (Обязанность сотрудничать) следует разъяснить, каким образом серьезное нарушение нормы *jus cogens* отличается от других нарушений и каким образом это различие способствует рассмотрению такого деликатного вопроса. Вместе с тем делегация страны оратора считает, что порог для применения обязанности сотрудничать должен быть низким: эта обязанность должна распространяться на любые нарушения, а не только на серьезные.

38. Проект вывода 23 (Недопустимость ссылки на официальную должность и неприменимость иммунитета *ratione materiae*) противоречит установленным нормам, касающимся иммунитета, предоставленного государствам, правительствам, министрам иностранных дел и старшим должностным лицам в соответствии с международным правом и международным обычаем. Кроме того, в нем вопрос о запрещении смешивается с вопросом судебного преследования. Поэтому делегация страны оратора считает, что этот проект вывода следует полностью исключить.

39. Делегация страны оратора поддерживает остальные проекты выводов.

40. Г-жа Шмитц (Бразилия) говорит, что Специальный докладчик по теме «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)» заслуживает похвалы за качество его исследований и за предложение проектов выводов, которые отражают практику государств, в форме, соответствующей Венской конвенции о праве международных договоров. В то же время крайне важно сохранить в тексте проекта вывода 17 прямую ссылку на решения Совета Безопасности. Ввиду иерархии международных обязательств, закрепленной в статье 103 Устава Организации Объединенных Наций, Комиссии не следует отказываться от признания того, что Совет Безопасности также связан нормами *jus cogens*. В проекте вывода 20 сфера действия обязанности сотрудничать ограничивается только серьезными нарушениями императивных норм; однако такое положение противоречит самому понятию *jus cogens*. Хотя Комиссия, очевидно, черпала вдохновение в комментариях к статьям об ответственности государств за международно-противоправные деяния, следует подчеркнуть, что каждое нарушение норм *jus cogens* по определению является серьезным.

41. Делегация страны оратора отмечает, что проект вывода 22 (Обязанность осуществлять внутригосударственную юрисдикцию в отношении преступлений, запрещенных императивными нормами общего международного права (*jus cogens*)) и проект вывода 23 (Недопустимость ссылки на официальную должность и неприменимость иммунитета *ratione materiae*) были переданы в редакционный комитет, исходя из того, что они будут рассмотрены с использованием оговорки «без ущерба». Делегация Бразилии поддерживает первоначальное предложение Специального докладчика, но понимает проявленную им гибкость с учетом необходимости сохранения последовательности в работе Комиссии по разным темам. Было бы полезно найти творческий способ разработки иллюстративного перечня норм *jus cogens*, с учетом при этом того, что Комиссии следует обсудить процедуру и метод, а не содержание императивных норм.

42. В проекте руководящего положения по теме «Временное применение договоров», принятом в первом чтении, Комиссия часто ссылается на соглашения между государствами в отношении временного применения договора. Этот подход заслуживает высокой оценки, поскольку намерение государств в отношении временного применения не может предполагаться или допускаться. Государствам необходимо официально, прямо и в письменной форме

договориться о том, что договор будет применяться на временной основе. Слово «могут» в проекте руководящего положения 3 (Общее правило) является уместным, поскольку оно усиливает тот тезис, что согласие соответствующих государств носит полностью добровольный характер.

43. В проекте руководящего положения 4 (Форма соглашения) и комментарии к нему не уточняется число участников, которые должны согласиться на временное применение договора на основании резолюции, принятой международной организацией или межправительственной конференцией. Неясно, является ли решение международной организации или межправительственной конференции разрешить временное применение договора обязательным для всех государств-участников, даже если это решение не было единогласным.

44. В некоторых местах, как представляется, имеется противоречие между проектами руководящих положений и Венской конвенцией о праве международных договоров. Согласно пункту 5) комментария к проекту руководящего положения 6 формулировка о том, что временное применение порождает юридически связывающее обязательство применять договор или его часть, как если бы договор находился в силе, не подразумевает, что временное применение имеет тот же самый правовой эффект, что и вступление договора в силу. Несмотря на то, что в проектах руководящих положений Комиссия пытается применять несколько аспектов права международных договоров к концепции временного применения, данное положение четко свидетельствует о том, что в проектах руководящих положений рассматриваются также вопросы, которые не охватываются Венской конвенцией. Например, термин «*mutatis mutandis*» используется в пункте 1 проекта руководящего положения 7 (Оговорки) и в пункте 3 проекта руководящего положения 9 (Прекращение и приостановление временного применения), с тем чтобы отграничить режим временного применения от общих принципов Венской конвенции. Такой подход является рискованным: он порождает юридическую неопределенность, поскольку не устанавливает, в какой мере нормы, изложенные в Венской конвенции, должны применяться в отношении различных аспектов временного применения договоров.

45. В пункте 2) комментария к проекту руководящего положения 7 признается, что в области временного применения договоров существует относительно небольшая практика. Кроме того, как правильно указывается в пункте 3) комментария к проекту руководящего положения 3, на двусторонние договоры приходится подавляющее большинство

среди традиционно применяющихся на временной основе договоров. Поскольку в Руководстве 2011 года по практике в отношении оговорок к международным договорам признаётся, что, строго говоря, никаких оговорок к двусторонним договорам не существует, отдельное руководящее положение об оговорках в отношении временного применения договоров может породить путаницу и правовую неопределенность.

46. В заключение оратор говорит, что в целях сохранения последовательности в работе Комиссии в проекте руководящего положения 8 (Ответственность за нарушение) следует отразить, насколько это возможно, концепции, изложенные в статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в частности в статьях 1 и 2.

47. *Г-н Бьян (Габон) занимает место Председателя.*

48. **Г-н Мик** (Польша), обращаясь к теме охраны атмосферы, говорит, что делегация его страны принимает к сведению принятие Комиссией в первом чтении 12 проектов руководящих положений и комментариев к ним, включая три новых проекта руководящих положений 10, 11 и 12 в отношении имплементации, соблюдения и разрешения споров соответственно.

49. В проекте руководящего положения 10 недостаточно четко сформулировано мнение о том, что согласно международному праву государства обладают широкими дискреционными полномочиями в отношении способов выполнения своих международных обязательств в соответствии со своими предпочтениями. Проект руководящего положения 11 вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку между текстом и его заголовком существует некоторое несоответствие. Из первого пункта и комментария явствует, что принцип, о котором идет речь, заключается в том, что обязательства должны выполняться добросовестно, независимо от их источника в международном праве. Однако в пунктах 1 и 2 термин «соблюдение» используется только в отношении договорных обязательств и, таким образом, ограничивает сферу применения этого проекта руководящего положения в большей степени, чем это предполагалось. Кроме того, вызывает удивление, что в английском языке используются слова «*abide with*» вместо слова «*fulfill*», используемого в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

50. По теме «Временное применение договоров» и ссылаясь на проекты руководящих положений, принятые в первом чтении, оратор говорит, что в целях обеспечения стабильности и предсказуемости договорных отношений в пункте 2 проекта руководящего положения 9 необходимо предусмотреть определенный разумный срок уведомления о том, когда прекращение временного применения вступит в силу. Проект руководящего положения 6 также нуждается в положении, эквивалентном статье 70 Венской конвенции, о том, что временное применение не влияет на права, обязательства или юридическое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения.

51. Переходя к теме «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)» и к проектам выводов, предложенным Специальным докладчиком, оратор говорит, что в проекте вывода 8 формы свидетельства признания нормы общего международного права в качестве императивной нормы и формы *opinio juris*, необходимого для появления норм обычного права, рассматриваются как равнозначные; это может привести к путанице. С учетом того, что Комиссия стремится определить контуры, содержание и последствия норм *jus cogens*, необходимость этого положения представляется сомнительной. В любом случае в проекте вывода 14 о разрешении споров нет необходимости, поскольку, как недавно подтвердил Международный Суд в деле *Об обязательстве договориться о доступе к Тихому океану (Боливия против Чили)*, государства вольны выбирать надлежащие процедуры для разрешения своих споров.

52. Наконец, если Комиссия согласится с включением в проекты выводов ссылки на резолюции Совета Безопасности, им должно быть посвящено отдельное самостоятельное положение. Следует, однако, отметить, что санкция, предлагаемая Специальным докладчиком для применения в тех случаях, когда обязательные резолюции международных организаций противоречат нормам *jus cogens*, отличается от санкции, предусмотренной Венской конвенцией, в отношении договоров.

53. **Г-н Йи** (Сингапур) говорит, что делегация его страны по-прежнему поддерживает работу Комиссии по теме «Охрана атмосферы» и признаёт важность международного сотрудничества в этой области, как это отражено в принятых в первом чтении проектах руководящих положений, которые делегация изучит и прокомментирует в установленном порядке. Делегация также продолжает поддерживать работу Комиссии по теме временного применения договоров, которое является инструментом,

имеющим огромное практическое значение в современной международной жизни. Оратор говорит, что более подробные комментарии по проектам руководящих положений, принятым в первом чтении, представлены в заявлении делегации его страны, размещенном на портале PaperSmart. Типовые положения, предложенные Специальным докладчиком для включения в качестве приложения к проектам руководящих положений, содержат несколько примеров, касающихся азиатских государств; для того чтобы представить всё разнообразие практики государств в этой области можно было бы сделать больше. Так, например, в меморандуме Секретариата с анализом практики государств в отношении договоров (как двусторонних, так и многосторонних), находящихся на хранении или зарегистрированных за последние 20 лет у Генерального секретаря и содержащих положения о временном применении, в том числе связанных с ними договорных действий ([A/CN.4/707](#)), содержится ссылка на статью 20.5 Соглашения о транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве в качестве примера временного применения части договора, которая применяется в отношении лишь одного участника Соглашения. Комиссия, возможно, пожелает рассмотреть аналогичные примеры на своей семьдесят первой сессии.

54. Делегация страны оратора также высоко оценивает усилия Комиссии по разъяснению сути сложной темы императивных норм международного права (*jus cogens*), однако считает, что было бы трудно содержательно рассматривать проекты выводов, предложенные Специальным докладчиком, в отсутствие комментариев к ним. Делегация приветствует проекты выводов 10–13, которые надлежащим образом отражают Венскую конвенцию и согласуются с ней. Однако проект вывода 14, возможно, является излишним, поскольку он в значительной степени совпадает с процедурами, которые уже созданы в соответствии с Конвенцией. Кроме того, включение оговорки «без ущерба» скорее создает путаницу, нежели разъясняет вопросы, поскольку она устанавливает процедуру, которая отличается от процедур, предусмотренных в Конвенции. Она неуместна в своде проектов выводов, поскольку это положение касается рекомендуемой процедуры, а не отражает состояние международного права. Тем не менее делегация страны оратора высоко оценивает работу в целом и с нетерпением ожидает дальнейшего обсуждения проектов выводов.

55. **Г-н Арроча Олабунага** (Мексика), касаясь темы «Охрана атмосферы» и проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, говорит, что проект руководящего положения о национальной

имплементации обязательств, относящихся к этой теме, соответствует механизм, обычно используемым государствами для выполнения своих обязательств по международному праву. Специальный докладчик справедливо указал на существование различных систем соблюдения в рамках ряда международных документов, участником которых является Мексика. Проект руководящего положения о мирном разрешении споров должен толковаться в соответствии с пунктом 1 статьи 33 Устава. Делегация страны оратора согласна с тем, что привлечение технических и научных экспертов будет полезным и желательным ввиду весьма специфического характера требований о предоставлении доказательств в рамках таких механизмов, но считает, что привлечение таких экспертов должно рассматриваться на индивидуальной основе.

56. Касаясь темы «Временное применение договоров», оратор говорит, что 12 проектов руководящих положений, принятых в первом чтении, закрепляют прагматический подход и что в силу их конкретного содержания эксперты по правовым вопросам из государств и международных организаций могут легко применять и учитывать их. Делегация страны оратора приветствует включение проекта руководящего положения об оговорках и третьего пункта проекта руководящего положения 9, с тем чтобы охватить возможность прекращения и приостановления временного применения в результате нарушения обязательства. Включение этих положений позволяет полностью отразить связь статьи 25 Венской конвенции с другими нормами проектов руководящих положений. Следует также отметить, что корректировки, внесенные в комментарии, в частности в комментарии к проекту руководящего положения 6, разрешают некоторые вопросы, поднятые рядом делегаций в отношении различия между объемом обязательств по договору, применяемому на временной основе, и объемом обязательств по действующему договору. Делегация страны оратора по-прежнему поддерживает свод типовых положений о временном применении и одобряет их включение в приложение к проектам руководящих положений, в котором, как делегация надеется, они будут учтены во втором чтении; они будут полезны для государств при согласовании международных договоров.

57. По теме императивных норм общего международного права (*jus cogens*) делегация страны оратора приветствует тот факт, что большинство проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком, основаны на положениях документов, принятых Комиссией, в частности Венской конвенции, статей об ответственности государств за международно-

противоправные деяния и Руководящих принципов, применимых к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств. Делегация поддерживает включение проекта вывода о последствиях норм *jus cogens* для общих принципов права, с тем чтобы охватить все источники международного права; она также выступает за то, чтобы рассматривать вопрос о контрмерах, которые толкуются как исключаящие ответственность, и об их связи с нормами *jus cogens* в соответствии со статьей 41 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Делегация страны оратора будет внимательно относиться к тому, каким образом этот вопрос будет взаимосвязан с темой общих принципов права.

58. Делегация страны оратора приветствует сделанное разъяснение относительно того, что проект вывода 10 не влечет недействительности правил толкования, закрепленных в Венской конвенции. В проекте вывода 13 следует четко указать, что тот простой факт, что договор отражает норму *jus cogens*, не означает, что любая оговорка к этому договору утрачивает законную силу. Делегация страны оратора поддерживает содержащуюся в проекте вывода 14 рекомендацию о том, что возможные коллизии между договором и нормой *jus cogens* следует передавать на рассмотрение Международного Суда. В проекте вывода 16 было бы целесообразно использовать термин «одностороннее заявление», а не «односторонний акт», с тем чтобы отразить формулировку Руководящих принципов, применимых к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств. В заключение, отмечая предложение составить иллюстративный перечень норм *jus cogens*, оратор говорит, что такой перечень будет весьма полезным, но должен содержать лишь примеры, а не носить исчерпывающий характер.

59. **Г-н Валек** (Чехия), касаясь темы «Охрана атмосферы», говорит, что целесообразность принятия проекта руководящих положений, содержащих нормы, которые часто встречаются в различных договорах, относящихся к этой теме, вызывает сомнения. Такие нормы не имеют собственной нормативной ценности за пределами этих договоров, равно как и не имеют самостоятельной жизни в международном праве. Они логически вытекают из существующих положений этих документов и не могут функционировать в отсутствие таких положений. В отличие от договорных документов, которые служат источником вдохновения, проекты руководящих положений, предложенные Специальным доклад-

чиком, вполне справедливо не содержат существенных норм, поскольку Комиссия не располагает техническими или научными знаниями, необходимыми для рассмотрения основных проблем атмосферной деградации. Ограничения, существующие в работе Комиссии по этой теме, отражены в пунктах 2 и 3 проекта руководящего положения 2.

60. В пункте 1 проекта руководящего положения 10 указано, что национальная имплементация международных обязательств может принимать форму законодательных, административных, судебных или других мер. Поскольку это является лишь констатацией известного факта, нет необходимости включать этот пункт. Аналогичным образом, содержащееся в пункте 1 проекта руководящего положения 11 заявление о том, что государства должны добросовестно выполнять обязательства по международному праву, касающемуся охраны атмосферы, будет лишь повторением того, что уже является общепризнанным для всех международно-правовых обязательств. В пункте 2 этого же проекта руководящего положения, в котором говорится о стимулирующих и правоприменительных процедурах, предусмотренных соответствующими соглашениями, опять же констатируется очевидное, а именно то, что такие процедуры могут применяться в соответствии с этими соглашениями. Что касается проекта руководящего положения 12, представляется нецелесообразным включать норму о разрешении споров в такие проекты руководящих положений. Хотя технические или научные эксперты играют важную роль в некоторых ситуациях, они не требуются в том случае, если спор касается таких вопросов, как действительность договора или последствия оговорок.

61. Касаясь темы «Временное применение договоров», оратор говорит, что необходимость включения проекта руководящего положения 7 в проекты руководящих положений, принятые в первом чтении, является сомнительной, поскольку это может поставить под сомнение целостность правового режима оговорок. Как было подчеркнуто на момент разработки Руководства по практике в отношении оговорок к международным договорам, режим оговорок является единым унифицированным режимом, применимым ко всем оговоркам, независимо от материального содержания того или иного положения договора, в отношении которого формулируется оговорка, и независимо от того, будет ли это положение применяться на временной основе. Включение в пункт 1 слов «*mutatis mutandis*» подразумевает, что соответствующие положения Венской конвенции не являются непосредственно применимыми к

оговоркам к договорным положениям, которые могут применяться на временной основе.

62. Делегация страны оратора не может согласиться с подобным предположением, поскольку оговорка может быть сформулирована до осуществления действия, запускающего режим временного применения, и в этом случае стандартные положения, касающиеся оговорок, будут применяться к такой оговорке непосредственно, а не *mutatis mutandis*. Реальная проблема заключается не в том, в какой момент оговорка была сформулирована, как это предполагается в пунктах 1 и 2 проекта руководящего положения, а скорее в сроке действия оговорки, а именно в ограничении срока действия оговорки в отношении продолжительности временного применения договора. Таким образом, вопрос заключается в том, исключаются ли некоторые договорные положения из временного применения или же их содержание изменяется на период их временного применения. Проект руководящего положения 7, акцентируя внимание на моменте формулирования оговорки к положению, которое должно применяться на временной основе, должным образом не отвечает на этот вопрос. В заключение делегация страны оратора приветствует включение в проект руководящего положения 9 нового пункта 1 и соглашается как с его содержанием, так и с занимаемым им видным местом, поскольку в нем рассматривается наиболее распространенный сценарий прекращения временного применения.

63. По теме «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)», учитывая, что подход Специального докладчика основывается преимущественно на ссылках на доктрину, а не на международную практику, желательным было бы проведение более глубокого анализа соответствующих международных и национальных норм прецедентного права и практики государств, в частности в отношении методологии, используемой для выявления императивных норм. Кроме того, поскольку норма *jus cogens* представляет собой динамичное понятие, основное внимание следует уделять не тому, какие нормы уже приобрели императивный характер, а скорее процедурам, с помощью которых может быть установлен императивный характер конкретной нормы международного права. В заключение оратор говорит, что, поскольку некоторые из проектов выводов, предложенных Специальным докладчиком, пересекаются с другими темами, которые рассматриваются или были рассмотрены Комиссией, Комиссии следует стремиться к согласованному и последовательному подходу в своей работе по всем связанным темам.

Заявление Председателя Международного Суда

64. **Г-н Юсуф** (Председатель Международного Суда), отмечая, что в последние годы Суд представил Генеральной Ассамблее многочисленные доклады о своей судебной деятельности, говорит, что эти доклады демонстрируют две зарождающиеся тенденции. Первой тенденцией является значительное увеличение числа решений, вынесенных Судом по существу и в рамках сопутствующего производства. Только за первые десять месяцев 2018 года Суд вынес два решения по существу дела, одно решение о компенсации, одно решение по предварительным возражениям и два постановления о назначении временных мер. Второй тенденцией является растущее разнообразие предмета дел, переданных на рассмотрение Суда. Помимо традиционных вопросов, таких как споры о территориальном суверенитете и делимитации морских пространств, Суд всё чаще занимается рассмотрением споров, касающихся различных других тем, таких как права человека, дипломатические отношения и защита окружающей среды. Являясь единственным международным судом, обладающим общей юрисдикцией, Суд компетентен принимать решения по всем вопросам международного права при условии согласия сторон в споре. В течение прошлого века число сфер, регулируемых международным правом, существенно увеличилось. В то же время правовые методы, используемые для регулирования этих сфер, становились всё более и более разнообразными, а уровень научных знаний продолжал повышаться. Государства и международные организации руководствуются технологическими и научными параметрами для определения сферы действия своих правовых обязательств, в результате чего вопросы, затрагивающие сложные научные проблемы, всё чаще подпадают под юрисдикцию Суда *ratione materiae*. Такая ситуация иллюстрируется двумя наборами примеров.

65. В деле *О китобойном промысле в Антарктике (Австралия против Японии, со вступлением в дело Новой Зеландии)* Суд должен был решить вопрос о том, преследовала ли программа китобойного промысла, проводившаяся Японией, «научные цели» согласно пункту 1 статьи VIII Международной конвенции по регулированию китобойного промысла, которая позволяет умерщвлять китов в таких целях. В других международных конвенциях для определения правовых понятий используются научные термины, что зачастую закрепляет за этими терминами конкретное значение. Например, статья 76 Конвенции Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву устанавливает определение

континентального шельфа за пределами 200 морских миль, используя для этого научные параметры.

66. Второй набор примеров касается ситуаций, в которых фактические обстоятельства спора, переданного на рассмотрение Суда, должны устанавливаться в соответствии с научными принципами и методологиями. В деле *О целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)* Суд должен был определить, будет ли сброс некоторых веществ в реку Уругвай загрязнять этот водоем в нарушение обязательств Уругвая согласно статуту реки Уругвай. Аналогичные вопросы возникли и в деле *Об авиа-распылении гербицидов (Эквадор против Колумбии)*.

67. В академических кругах такие дела часто порождают вопрос о том, обладает ли Суд достаточными возможностями для рассмотрения споров, требующих проведения научного анализа или изучения большого объема фактологических данных. Правомочность этого вопроса основывается на самом составе Суда. Статья 2 Статута Суда, устанавливающая необходимые качества для членов Суда, не требует от них обладать признанной компетенцией в научных вопросах. Вместе с тем согласно статье 50 Статута Суд вправе назначать экспертов, с тем чтобы иметь возможность принимать во внимание научные вопросы в рассматриваемых им делах. Привлечение таких назначенных Судом экспертов имеет дополнительную ценность, поскольку позволяет Суду в полной мере оценить научные вопросы, поднятые в некоторых из переданных на его рассмотрение дел, без ущерба для процессуальных прав сторон.

68. В целом стороны в споре являются основными источниками доказательств в делах, переданных на рассмотрение Суда. В деле *О целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)* Суд разъяснил, что в соответствии с устоявшимся принципом *onus probandi incumbit actori* («бремя доказывания лежит на истце») сторона обязана доказать наличие любых фактов, о которых она заявляет. С этой целью стороны часто используют экспертов для разрешения или прояснения спорных научных вопросов. Несмотря на то, что назначенные сторонами эксперты являются важным подспорьем для Суда, Суду, тем не менее, может потребоваться назначить своих собственных экспертов в соответствии со статьей 50 его Статута в силу двух основных причин.

69. Во-первых, применяемая сторонами в споре практика, заключающаяся не в вызове экспертов в качестве свидетелей, а в их включении в качестве юрисконсультов в состав своих соответствующих делегаций, имеет определенные правовые последствия в соответствии с пунктом 2 статьи 42 Статута.

Когда эксперты выступают в Суде в качестве юрисконсультов, они не подвергаются перекрестному допросу другой стороной. Кроме того, члены Суда также не могут непосредственно подвергнуть их перекрестному допросу. В результате достоверность заявлений, сделанных такими экспертами, или их влияние на решение суда остаются непроверенными. С 2010 года Суд пытается поощрять стороны вызывать своих экспертов в качестве свидетелей, вместо того чтобы использовать их в качестве юрисконсультов. В *obiter dictum* в деле *О целлюлозных заводах* Суд пояснил, что он счел бы более целесообразным, чтобы эксперты были представлены сторонами в качестве экспертов, вызванных для дачи свидетельских показаний, согласно статьям 57 и 67 Регламента Суда, вместо того чтобы быть включенными в качестве юрисконсультов в их соответствующие делегации в ходе устных слушаний. По мнению Суда, те лица, которые представляют Суду доказательств, основанные на своих научных или технических знаниях и на своем личном опыте, должны давать показания Суду в качестве экспертов, свидетелей или, в некоторых случаях, в обоих качествах, а не в качестве юрисконсультов. Таким образом, они могут быть подвергнуты допросу другой стороной, а также Судом. После этого дела Суд до начала слушаний направляет письма с просьбой к сторонам вызвать в качестве свидетелей экспертов, указанных в их письменных заявлениях. Этот подход был использован, например, в деле *О китобойном промысле в Антарктике*, и в объединенных делах *О строительстве дороги в Коста-Рике вдоль реки Сан-Хуан (Никарагуа против Коста-Рики)* и *О некоторых мероприятиях, проведенных Никарагуа в приграничном районе (Коста-Рика против Никарагуа)*. Таким образом, практика выступления в Суде экспертов в качестве юрисконсультов, как представляется, прекратилась.

70. Во-вторых, в своих письменных заявлениях, представляемых в Суд, назначенные сторонами эксперты, как правило, более благосклонно относятся к интересам назначившей их стороны. Как и следовало ожидать, для государства вызывать в качестве свидетеля эксперта, который мог бы подорвать аргументы государства, стратегически неразумно. Хотя Суд с осторожностью относится к доказательственным материалам, специально подготовленным для целей рассмотрения дела, таким как доказательственные материалы, представленные свидетелями-экспертами, он уделяет особое внимание надежным доказательствам, подтверждающим факты или поведение, невыгодные для государства, от имени которого выступает лицо, представляющее такие доказательства. Перекрестный допрос мог бы помочь Суду

в понимании различных взглядов назначенных сторонами экспертов, а также является полезным для понимания методологических различий, лежащих в основе этих мнений.

71. Несмотря на помощь сторон, Суду, тем не менее, может потребоваться сделать свои собственные выводы по находящимся на его рассмотрении научным вопросам и опираться на своих собственных экспертов в таких ситуациях. В научной литературе ученые часто утверждают, что Суд не назначает экспертов согласно статье 50, поскольку он опирается на «призрачных экспертов», которые называются так потому, что их личность не раскрывается сторонам, а также потому, что стороны не имеют возможности представить свои замечания в отношении участия таких лиц в процессе вынесения Судом своих решений. Эта критика и предлагаемое для ее устранения решение основываются на недостаточном знании работы Суда. Эти лица не являются ни «призраками», ни «экспертами» по смыслу Статута Суда. В действительности они являются временными должностными лицами Секретариата, назначаемыми в соответствии с пунктом 2 статьи 21 Статута. Секретариат Суда играет важную роль в содействии функционированию Суда, но его сотрудники не представляют своих докладов, поэтому вопрос о передаче докладов сторонам для замечаний не возникает. Как и другие должностные лица Секретариата, они лишь помогают Суду оформлять и конкретизировать его решения и по запросу отдельных судей предоставляют им информацию.

72. Невозможно перечислить *in abstracto* все обстоятельства, при которых Суду может потребоваться назначить своих собственных экспертов. Он осуществлял свои полномочия согласно статье 50 только в четырех случаях: в деле *О проливе Корфу (Соединенное Королевство против Албании)*, как на этапе рассмотрения дела по существу, так и на этапе определения компенсации; в деле *О делимитации морской границы в районе залива Мэн (Канада/Соединенные Штаты Америки)* и совсем недавно в деле *О делимитации морских пространств в Карибском море и Тихом океане (Коста-Рика против Никарагуа)*.

73. Тот факт, что Суд не осуществлял эти полномочия в течение более 40 лет, породил обвинения в том, что он не желает назначать экспертов. Эти критические замечания поступали не только извне; они исходили также и от самого состава судебного присутствия в форме отдельных или особых мнений. Сам оратор, например, в решении по делу *О целлюлозных заводах* отметил, что Суду следовало бы обратиться за помощью экспертов, с тем чтобы они помогли ему

получить более глубокое представление о научно-технических тонкостях доказательств, представленных сторонами, особенно в связи с возможным влиянием сброса сточных вод завода «Орион (Ботниа)» на живые ресурсы, качество воды и экологическое равновесие реки Уругвай. Другие судьи обращали внимание на необходимость назначения экспертов гораздо раньше. Например, судья Веллингтон Ку сделал это в деле *О храме Прэахвихеа (Камбоджа против Таиланда)* в 1960 году.

74. При определении того, следует ли назначить экспертов в соответствии со статьей 50 его Статута, Суд должен руководствоваться двумя элементами: статьей 38 Статута, определяющей обязанность Суда, и основополагающими принципами международной процедуры.

75. Статья 38 Статута, которая предусматривает, что Суд обязан решать переданные ему споры на основании международного права, влечет два последствия для назначения экспертов Судом. Первое последствие заключается в том, что переданные Суду споры должны разрешаться Судом, а не экспертами. Назначение экспертов Судом не должно влечь делегирование его судебной функции этим экспертам. Так, в деле *О целлюлозных заводах* Суд пояснил, что «несмотря на объем и сложность представленной ему фактологической информации, Суд обязан после тщательного рассмотрения всех доказательств, представленных ему сторонами, определить, какие факты необходимо считать относящимися к делу, провести оценку их доказательной силы и сделать на их основе надлежащие выводы. Так, в соответствии со сложившейся практикой Суд сам установит факты на основе представленных ему доказательств, а затем применит соответствующие нормы международного права в отношении тех фактов, которые он счел установленными». Вторым последствием является то, что Суд назначает экспертов только в тех случаях, когда они необходимы для вынесения им решения по делу. Ссылаясь на статью 50 Статута, Суд в деле, касающемся заявления *О пересмотре и толковании решения от 24 февраля 1982 года по делу «Континентальный шельф (Тунис/Ливийская Арабская Джамахирия)» (Тунис против Ливийской Арабской Джамахирии)*, пояснил, что это положение следует рассматривать применительно к условиям, на которых Суд был наделен компетенцией в конкретном деле; целью заключения экспертов должно быть оказание Суду содействия в вынесении решения по вопросам, переданным ему на разрешение.

76. Для наглядного подтверждения сказанного оратор говорит, что в ситуациях, когда Суду может потребоваться назначить своих собственных экспертов

в соответствии со статьей 50 его Статута, государства, как правило, могут подавать в Суд два вида исков: «иски о нарушении» и «иски о правовом статусе». В первом случае одно государство утверждает, что другое государство нарушило свои международные обязательства, и просит Суд определить международную ответственность этого государства. Во втором случае Суд просят объявить о наличии или объеме прав сторон, как, например, в территориальных и морских спорах.

77. Для установления ответственности государства за нарушение международного права для целей «исков о нарушении» Суд должен, прежде всего, установить факт нарушения международного права; факт совершения этого нарушения тем или иным государством; и отсутствие каких-либо соответствующих обстоятельств, исключающих противоправность такого нарушения. Затем он должен определить последствия международно-противоправного деяния, в частности выплату компенсации. Суду может потребоваться назначить эксперта для проверки каждой из этих четырех гипотез, которые соответствуют четырем основным элементам согласно праву об ответственности государств.

78. Для иллюстрации первой гипотезы, в которой необходимы научные знания для установления факта, который, если он будет доказан, позволит установить нарушение обязательств государства по международному праву, оратор упомянул о недавних связанных с охраной окружающей среды делах, в которых Суд должен был определить, какие виды веществ, сбрасываемых в реку, и в каком объеме повлекут нарушение договорных обязательств. В одном из таких дел, а именно в деле *О строительстве дороги в Коста-Рика вдоль реки Сан-Хуан*, Суд должен был решить вопрос о том, можно ли отложения в реке Сан-Хуан охарактеризовать как наносящие ущерб окружающей среде. Поскольку судьи не всегда обладают необходимыми навыками для определения того, могут ли такие вещества нанести ущерб окружающей среде, а если да, то когда и в каком объеме, роль эксперта может иметь решающее значение.

79. Наглядным примером второй гипотезы, в которой научные знания необходимы для установления факта, который, если он будет доказан, позволит возложить ответственность за международно-противоправное деяние на то или иное государство, является дело *О проливе Корфу*, причиной которого стала гибель британских военных кораблей из-за мин, установленных в проливе Корфу. В этом деле Суд назначил комитет в составе трех экспертов, которому было поручено изучить, среди прочего, имеющуюся информацию о «средствах, использованных для

установки минного поля, обнаруженного 13 ноября 1946 года, и... о возможности установки этих мин с помощью этих средств без ведома албанских властей, учитывая масштабы мер бдительности, существовавших в регионе Саранда». Комитет пришел к выводу о том, что мины не могли быть установлены без ведома Албании, и Суд признал Албанию ответственной за нарушение ее обязательства проявлять должную осмотрительность. Применительно к этой гипотезе роль эксперта также может быть важной.

80. Третья гипотеза касается назначения экспертов для определения существования обстоятельств, исключающих международную противоправность. В деле *О проекте «Габчиково — Надьмарош» (Венгрия/Словакия)* Венгрия сослалась на «состояние экологической необходимости», для того чтобы оправдать несоблюдение своих обязательств по договору 1977 года о строительстве и эксплуатации системы шлюзов Габчиково — Надьмарош. Несмотря на внушительный объем научных материалов, представленных сторонами, Суд не считал нужным установить, действительно ли такое состояние экологической необходимости существовало. По мнению Суда, Венгрией в любом случае не были соблюдены условия для ссылки на необходимость как на обстоятельство, исключающее противоправность в международном праве, в соответствии с правом об ответственности государств. По мнению Суда, Венгрия не имела бы права ссылаться на такую необходимость для оправдания невыполнения своих договорных обязательств, поскольку она — посредством действий или бездействия — способствовала его возникновению. С учетом этих обстоятельств Суд не считал необходимым прибегнуть к услугам экспертов.

81. Четвертая и последняя гипотеза касается обязательства по выплате компенсации и оценки надлежащей суммы компенсации. Оценка степени ущерба, а также оценка вклада различных факторов в причинение такого ущерба — сложная задача. В частности, при назначении экспертов для оценки ущерба в деле *О проливе Корфу* Суд отметил, что расчеты и цифры, представленные правительством Соединенного Королевства, вызывают вопросы технического характера, требующие применения статьи 50 Статута.

82. Переходя ко второму типу исков, а именно к «искам о правовом статусе», оратор говорит, что в таких делах привлечение назначенных Судом экспертов может иметь важное значение для оценки фактов, которые могли бы создать правовой статус и соответствующие права. Например, государства могут расходиться во мнениях относительно того, является ли тот или иной морской объект островом или

осыхающим при отливе возвышением согласно Конвенции Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву, и могут использовать различные методы измерений и способы для определения того, находится ли данный морской объект выше уровня воды при приливе. В деле *О делимитации морских пространств и территориальных вопросах между Катаром и Бахрейном (Катар против Бахрейна)* выразивший особое мнение судья ad hoc Торрес Бернардес высказал сожаление по поводу того, что Суд не назначил своих собственных экспертов для определения того, является ли Китат Джарада островом или осыхающим при отливе возвышением.

83. Второй пример касается решения, вынесенного Судом в 2018 году по делу *О делимитации морских пространств в Карибском море и Тихом океане (Коста-Рика против Никарагуа)*, в котором Суд осуществил свои полномочия в соответствии со статьей 50 Статута. В своем решении 2015 года Суд истолковал Договор о границах 1858 года между Коста-Рикой и Никарагуа как предусматривающий, что территория, находящаяся под суверенитетом Коста-Рики, охватывает правый берег в нижнем течении реки Сан-Хуан вплоть до ее устья в Карибском море. Однако в отсутствие подробной информации, представленной сторонами, Суд оставил вопрос о географическом положении района, о котором идет речь, в некоторой степени без ответа в части конфигурации побережья Исла-Портильос. Для вынесения в 2018 году своего решения по существу дела Суд назначил двух экспертов в соответствии со статьей 50 Статута. В свете выводов экспертов, назначенных Судом, Суд определил, что Коста-Рика обладает суверенитетом над всей территорией Исла-Портильос вплоть до того места, где река достигает Карибского моря. Соответственно, Суд пришел к заключению о том, что начальной точкой сухопутной границы между Коста-Рикой и Никарагуа является точка, где правый берег реки Сан-Хуан достигает отметки наибольшего отлива побережья Карибского моря. Суд определил, что эта точка в настоящее время находится в конце песчаной косы, являющейся правым берегом реки Сан-Хуан в ее устье.

84. Помимо статьи 38 Статута Суда существуют два общих процессуальных принципа, которые могут повлиять на решение Суда назначить экспертов: принцип *iura novit curia* и принцип равенства сторон. Принцип, согласно которому «суд знает право», *iura novit curia*, ограничивает круг ситуаций, в которых Суду может потребоваться назначить экспертов. В своем решении 1974 года по делу *О рыболовственной юрисдикции (Федеративная Республика*

Германия против Исландии) Суд описал важность этого принципа следующим образом: «Однако считается, что Суд как международный судебный орган осведомлен в международном праве и в силу этого должен в деле, подпадающем под статью 53 Статута, как и в любом другом деле, рассматривать по своей собственной инициативе все нормы международного права, которые могут быть актуальными для разрешения спора. С учетом того, что констатация и применение соответствующих норм права в данных обстоятельствах дела входит в обязанности самого Суда, бремя выяснения или доказывания норм международного права не может возлагаться на одну из сторон, поскольку владение правовыми нормами входит в сферу судебной компетенции Суда». Таким образом, именно Суд должен толковать договоры в переданных ему на рассмотрение делах. Поскольку Суд знает закон, он не может делегировать свои судебные функции экспертам. Этот принцип применяется даже в тех случаях, когда юридические обязательства сторон в договорах сформулированы с использованием научных параметров.

85. Суд применил этот подход в деле *О китобойном промысле в Антарктике*, в котором от него требовалось вынести решение о том, осуществлялась ли программа китобойного промысла, проводившаяся Японией, для целей научного исследования, как это предусмотрено в Международной конвенции по регулированию китобойного промысла. Суд посчитал этот вопрос вопросом толкования договора. Он постановил, что вызванные сторонами эксперты в рамках научно обоснованного мнения согласились с тем, что летальные методы могут применяться в научных исследованиях, необязательно согласившись при этом относительно условий их использования. Суд, тем не менее, настоял на том, что их выводы, сделанные в качестве ученых, следует отличать от толкования Конвенции, что является задачей Суда. Поскольку Суд рассматривал данный вопрос как вопрос юридического толкования, он не считал необходимым назначить экспертов для принятия решения о том, действительно ли проводившаяся Японией программа осуществлялась для целей научного исследования. Это решение было спорным. Некоторые члены Суда сочли, что в положениях пункта 1 статьи VIII Международной конвенции речь идет либо о другой области знаний, либо только о вопросах факта. По мнению этих судей, Суд должен был назначить своих собственных экспертов для определения того, проводилась ли программа исследований в научных целях. Однако решение Суда должно уважаться всеми членами Суда.

86. Вторым процессуальным принципом, который может повлиять на решение суда об осуществлении права назначать экспертов, является принцип равенства сторон, поскольку осуществление Судом этого права влияет на распределение бремени доказывания между сторонами. Это в особенности так в отношении максимы *onus probandi incumbit actori*, которая вытекает из принципа равенства сторон. Таким образом, Суд должен обеспечить, чтобы присутствие назначенных Судом экспертов не склонило чашу весов в пользу той или иной стороны.

87. В этой связи возможны четыре сценария, в зависимости от поведения сторон в споре. В первом сценарии стороны не расходятся во мнениях относительно доказательств научного характера или их разногласия не являются существенными. При таких обстоятельствах Суду может не потребоваться назначать экспертов в соответствии со статьей 50. По мнению судьи Кита, который голосовал вместе с большинством в деле *О целлюлозных заводах*, данные факторы были оценены в решении Суда не назначать экспертов по этому делу. Однако сохраняется вопрос о том, всегда ли отсутствие существенных разногласий между сторонами в споре носит диспозитивный характер. Возможно, Суду не следует отказываться от назначения своих собственных экспертов, когда дело касается всеобщего достояния, такого как окружающая среда. В таких делах нормы международного права защищают не только интересы сторон, но и интересы населения соответствующих государств, а в случае некоторых экосистем — интересы всего человечества. В принципе, нет никаких причин, по которым Суд не должен делать этого, особенно если он получил от Генеральной Ассамблеи достаточное финансирование для этой цели.

88. Во втором сценарии стороны имеют существенные разногласия относительно доказательств научного характера, и Суду необходимо вынести заключение по этому вопросу, с тем чтобы принять решение по делу. В таком случае будет полезным назначение экспертов согласно статье 50, которые изучат информацию, представленную экспертами, назначенными сторонами. Было бы также полезно получить реакцию сторон на любые заключения, подготовленные назначенными Судом экспертами в отношении доказательств научного характера. Процедура, закрепленная в статьях 67 и 68 Регламента Суда, была разработана в целях обеспечения соблюдения принципа *audi alteram partem*, но также и для того, чтобы дать Суду возможность получить информацию, необходимую для вынесения своего решения.

89. Третий сценарий возникает в тех случаях, когда одна из сторон в споре решает не являться в Суд. Несмотря на то, что такая ситуация отрицательно сказывается на эффективности отправления правосудия, она не влечет прекращения разбирательства в Суде. В статье 53 Статута предусматривается, что в таких случаях другая сторона может просить Суд о разрешении дела в свою пользу. В ней также предусмотрено, что Суд обязан, до удовлетворения этого ходатайства, удостовериться не только в подсудности ему дела согласно статьям 36 и 37, но также и в том, имеет ли это притязание достаточное фактическое и правовое обоснование.

90. Что касается права, то Суд в деле *О военной и полувоенной деятельности в Никарагуа и против нее (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)* разъяснил, что принцип *iura novit curia* означает, что в вопросах применимого права Суд опирается не только на доводы сторон в данном деле. Следовательно, отсутствие одной из сторон оказывает меньшее воздействие в этом отношении. Однако неявка порождает проблемы, связанные с представлением доказательств и их анализом; обе эти задачи возлагаются на стороны в соответствии с максимальной формулой *onus probandi incumbit actori*. В таких делах статья 53 Статута обязывает Суд использовать любые средства и ресурсы, которые могут позволить ему удостовериться в том, имеют ли заявления государства-заявителя достаточное фактическое и правовое обоснование, и одновременно обеспечить соблюдение основополагающих принципов эффективного отправления правосудия. В рамках своего расследования Суд, таким образом, может принять решение о назначении экспертов согласно статье 50. В деле *О проливе Корфу* Суд отметил неявку Албании на последнем этапе рассмотрения дела и технический характер определения ущерба, подлежащего компенсации. Оба этих фактора имели большое значение при обосновании решения Суда назначить экспертов для определения размера ущерба, который должен быть выплачен в качестве компенсации за уничтожение британских военных кораблей.

91. Четвертый сценарий касается ситуаций, в которых стороны совместно просят Суд назначить экспертов. Так произошло в деле *О заливе Мэн*, которое рассматривалось Палатой Суда в соответствии со статьей II специального соглашения между Канадой и Соединенными Штатами. В этом деле Суд назначил экспертом капитана Питера Брайана Бизли, кандидатура которого была совместно предложена сторонами; при этом Суд опирался на свои полномочия в соответствии со статьей 50 Статута. Важно, однако, отметить, что согласно статье 50 назначение

экспертов является правом Суда, а не сторон. Эксперт был назначен не для установления некоего научного факта или его научного смысла; ему было поручено оказывать Палате помощь в описании географических координат границы и в обозначении этой границы на картах. При выполнении подобной задачи Суд обычно полагается на Секретариат. Тем не менее ничто не препятствует сторонам предлагать Суду кандидатуры лиц, знакомых с особенностями их требования. Однако даже в таких делах именно Суд определяет, будут ли такие эксперты полезны при вынесении Судом своего решения.

92. Ввиду огромного научного прогресса, достигнутого за последнее столетие, который радикально изменил способы рассмотрения таких вопросов как в международных отношениях, так и в повседневной жизни, неудивительно, что наука оказала влияние на международное право и сказалась на работе Международного Суда. Суд, однако, не является арбитром в научных вопросах. В рамках его юрисдикции по спорам Суду поручено разрешать переданные ему споры на основании права. Суд может осуществлять свои полномочия для назначения своих собственных экспертов только тогда, когда доказательства научного характера имеют отношение к процессу вынесения решения и когда такие доказательства не были должным образом представлены сторонами.

93. Практика Суда за последние годы ясно показывает, что он не проявляет нежелания рассматривать доказательства научного характера. Наоборот, Суд стремится осуществлять свои функции в рамках своего Статута, соблюдая при этом основополагающие принципы международного правосудия. Тем не менее право не представляет собой нечто изолированное: оно влияет на другие дисциплины и, в свою очередь, само подвергается их влиянию. На его применение, несомненно, во всё большей степени влияют научно-технические достижения. Суд не может закрывать глаза на эти реалии и должен и впредь оценивать то, в какой степени на его работе могло бы положительно сказаться привлечение сторонних экспертов, принимая во внимание различные сопутствующие факторы. В заключение оратор дает высокую оценку работе авторов Статута Суда за их дальновидность, заключающуюся в том, что они предусмотрели такую возможность в статье 50 Статута.

94. Заглядывая в будущее, оратор говорит, что ежегодный визит Председателя Международного Суда должен стать поводом для проведения эффективного диалога и обмена мнениями с членами Шестого комитета. В будущем можно было бы предпринять усилия для заблаговременного информирования членов Комитета о теме выступления Председателя, с тем

чтобы они могли подготовиться к такому диалогу. Его выступление также можно было бы сделать более актуальным с точки зрения обсуждений доклада Комиссии международного права, используя для этого мнения, опыт и судебную практику Суда по одной или двум темам, которые рассматриваются в докладе. Оратор надеется, что эти новые подходы будут применяться начиная с 2019 года.

95. **Г-н Орна** (Перу) говорит, что делегация его страны высоко оценивает выступление Председателя и приветствует внедренную в Суде новую практику, предусматривающую участие его членов в арбитражных делах по спорам между государствами. Делегация его страны также приветствует предложения относительно будущих выступлений Председателя перед Комитетом.

96. **Г-жа Якобссон** (Швеция) соглашается с этим и говорит, что делегация ее страны особенно высоко оценивает проявленную Председателем щедрость, заключающуюся в предложенном им новом способе будущих выступлений перед Комитетом. Поднимаемые вопросы имеют настолько важное значение, что было бы крайне полезно иметь возможность обдумать их заранее. Кроме того, как бывший член Комиссии международного права г-жа Якобссон уверена, что члены как Комиссии, так и Шестого комитета приветствуют предложение о том, чтобы более тесно увязать выступление с работой Комиссии.

97. **Председатель**, выступая от имени Комитета, благодарит Председателя Суда за его выступление, в котором был всесторонне рассмотрен ряд важных вопросов, и приветствует предложение заблаговременно сообщать тему выступления членам Комитета.

Заседание закрывается в 13 ч 00 мин.